Сеть
АЛЕКСАНДР
ТЮРИН
АЛЕКСАНДР
ЩЕГОЛЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1987, истоки советского киберпанка. Скорее даже, повесть "пракомпьютеры"

Опечатанный на ночь секретный институт, компьютерное безумие, поразившее программистов, поединок хилого очкарика со взбесившимся спортсменом, — и жутко, и весело… Это не просто фантастика, но и психологический детектив с приколами и вывертами.

- Александр Щёголев
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

Александр Щёголев
ДРАМА ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА

1

Телефон.

Человек удивился. Из охраны, что ли? Нет, звонит городской. Секретный сигнал? Или проверка?.. Осторожно взял трубку.

— Саша! — обрадовался незнакомый женский голос. Слышимость была не очень хорошая.

— Да. Это я.

— Сашенька… — голос нежный, интимный, пробирающий до самых низменных мужских глубин. — Сашуля, странно ты как-то говоришь. У тебя все в порядке?

— Все в порядке, — промямлил он, вспотев от неловкости. — А вы кто?

Голос резко изменился. Стал вдруг хищным, страшным.

— Тебе что, неудобно говорить?

— Почему? Удобно.

— Ты не один? А-а? Ответь! Не один?

Он повесил трубку. Ошибка, не туда попали. Телефон немедленно затрезвонил вновь — решительно, требовательно, жадно.

— Ты чего трубку бросаешь?

— Вы куда звоните? — вежливо просил он.

Женщина встревожилась:

— Алло! Это Институт средств производства?

— Да.

— Отдел «Управляющие микросистемы»?

— Да.

— Сашенька, кончай валять дурака, — устало вздохнул голосок. — Я так волнуюсь, придумываю себе неизвестно что. Ты же знаешь… я соскучилась…

Терпение — это талант. У него, к счастью, не было талантов.

— Послушайте, — сказал он твердо. — Зачем вы сюда звоните?

И тогда его атаковали. Это было что-то невообразимое: рычание, слезы, хохот. Стук зубов о трубку. Сквозь буйство звуков прорывались стыдные утробные стоны: «Мерзавец! Я так и знала! Ты там не один! Я знала это, знала!» Очевидная, классическая истерика, высшей пробы, как в лучших домах.

Чужие страдания — заразная штука. Начинаешь почему-то думать о смысле жизни. Не колеблясь, человек освободил уши и мозги от всего лишнего — телефон только слабо звякнул.

2

Началось дежурство с того, что я его принял. В семнадцать ноль-ноль я спустился с третьего этажа к проходной и познакомился со стрелками военизированной охраны. Охрана — это пять бабушек, объединившихся волей служебного долга в сплоченный караул. Слова «стрелок» и «военизированная» — не моя ирония, просто у бабушек такая должность. Я получил под расписку документацию, затем вернулся в лабораторию, на рабочее место. Вообще-то ночной дежурный должен размещаться в приемной замдиректора: там его боевой пост, а никак не в провинциальном, забытом всеми отделе. Но мне объяснили, что так можно. Если понадоблюсь, найдут. И я понял. У нас многое можно, пока все тихо. Поужинаю, поработаю, посплю, получу за это два выстраданных отгула, а утром в восемь ноль-ноль дежурство закончится.

Выданная мне документация состояла из журнала и разнообразных инструкций. Я внимательно прочитал то, что было написано в журнале до меня, и постарался не ударить в грязь лицом. Придумал первую фразу: «17.ОО. Инженер отдела “Управляющие микросистемы” дежурство по институту принял!» Так прямо и написал, это была чистая правда. Поставил фамилию, инициалы, подпись, и тем завершил ритуал принятия дежурства.

Из инструкций я узнал, что мне категорически запрещается спать. Иначе говоря, надувной матрац, который заботливая мама подвезла мне к проходной, свидетельствует о моей безнадежной идейной незрелости. В конце рабочего дня я позвонил домой, сообщил о дежурстве, мама и примчалась, собрав заодно легкий ужин. Неплохо, а? Я человек молодой, но основательный… Еще мне запрещалось передавать дежурство постороннему лицу — той же маме, например. Зато я имел кучу прав. В случае чрезвычайных обстоятельств я мог, скажем, запросто вытащить директора из объятий жены, если он, конечно, ночует дома. Кроме того я почерпнул массу бесценных сведений о том, как надлежит принимать пакеты от курьеров, а также: что полагается делать при получении таинственного сигнала «Земля» или кого и в какой последовательности оповещать при получении еще более таинственного сигнала «Весть». Дохнуло из этих документов жутковатой революционной романтикой, и я понял, что дежурство на самом деле — поручение серьезное, взрослое. Задание. Хотя лично я в шпионов не верю. Вот злые духи — другой разговор.

3

Он ужинал. Он закончил с вареным яйцом и развернул бутерброды с сыром. Впился зубами. Хорошо. Отхлебнул из термоса чаю… Удобный стол у начальника отдела, мельком подумал он. Большой, вместительный. Ему, молодому специалисту, до такого еще ползать и ползать…

Вокруг была тишина. За окном — черный институтский двор, в коридорах — тьма, полная враждебности. Впрочем, дверь прочна, замок надежен, да и какие опасности могут быть в пустом институте? Человек сбросил с начальнического стола крошки и, в меру благоговея, развернул журнал ответственного дежурного. Предстояло вновь осквернить проштампованные страницы.

«22. ОО — 23.ОО. Совместно с начальником караула произведен обход территории института. Отмеченные недостатки: 1. В помещении РИО не выключен свет. У охраны ключей не оказалось, поэтому пришлось вскрыть дверь. Внутри обнаружены пустые бутылки, недоеденный торт, окурки. Сотрудниц не обнаружено. 2. В приемной всех шести замдиректоров оставлена включенной радиотрансляция. 3. В мужском туалете найдены документы с грифом “Служебное”, относящиеся к отделу кадров».

Действительно, в 22.ОО, на пару с наиболее молодой из бабушек-стрелков, он отправился по маршруту. В строгом соответствии с инструкцией. Вдвоем они бродили по пустому зданию, по внутренним дворам, выгоняли заработавшихся допоздна сотрудников, проверяли на опечатанность двери особо важных помещений, остальные двери проверяли просто на закрытость, свет — на выключенность, в общем, занимались делом нужным, государственным. Дежурный лихо светил фонариком и гордился. А потом обход закончился, и он вернулся к себе в лабораторию. Это был тяжкий, полный мрака путь: освещения нигде нет, в институте космический вакуум, слух напряжен до предела чувствительности, мышцы на боевом взводе. К сожалению, полагалось совершить еще один обход, утренний, затем зафиксировать результаты в журнале, но ему в охране шепнули, что нормальные люди вполне обходятся без. Главное, не забыть отразить факт письменно.

Ну и влепят завтра кое-кому! — хихикнул он, схлопнув картонные створки. И за невыключенный свет, и за незакрытую дверь, а за винные бутылки — страшно представить. Как ему в свое время, когда он оставил открытым окно в лаборатории. Чугунным кулаком порядка по сытой ротозейской морде. Кому

положено, те умеют…

Было 23.15 вечера. Или ночи?

4

Он вздрогнул. Вскочил. Чуть не умер. Вдруг послышалось, будто из коридора донесся… Померещилось?

Нет. Через пару секунд женский смех повторился. Гулкое кваканье. Очевидно, женщина обнаружила что-то крайне забавное, женщина искренне развеселилась — очень простое объяснение… Он прыгнул к выключателю и сделал темно. В ушах стучало, руки почему-то были холодными. Хоть бы померещилось, подумал он, и тут стали слышны шаги. Мощное уверенное топанье. Кто-то хозяйски шел по коридору, бренчал ключами, сопел носом. Остановился точно у двери отдела — с той стороны обшарпанной деревяшки. Боже мой… Дежурный по институту опустился на корточки, затем на четвереньки, и затаился, уже ничего не соображая. Он ясно услышал: кто-то пытается открыть замок. Ничего не получилось: замок был хитрый, предусмотрительно застопоренный изнутри. Кто-то нерешительно подергал дверь, прошептал мужским голосом: «Что за дела?», постоял в растерянности и удалился. Дежурный уткнулся лбом в паркет. И вдруг понял, что он жив, что наконец он может дышать. Оказывается, он давно не дышал.

Он бестолково пополз к телефону, натыкаясь в темноте на предметы. Сердце отплясывало разудалую чечетку. Позвонить в охрану? Нельзя, в коридоре услышат. И вообще, что охране сообщить? «На связи дежурный. Нечистая сила рвется ко мне в гости, разговаривает голосом мужским, смеется женским, спасите меня, пожалуйста». Стыд. Опытная бабушка-стрелок смекнет: парень неосторожно обращался со спиртом, украденным из запасников завлаба — забыл разбавить. Или резонно предложит: «Гражданин ответственный дежурный, почему бы вам не выйти в коридор и не потребовать у нечистой силы пропуск?» Стыд, стыд…

Телефон ударил первым. Это было неслыханным вероломством. Как выстрел в ночи, как нападение на спящего. Дежурный вскочил с пола: брать? не брать?

Взял.

«Да!» В трубке была зыбкая тишина, подрагивающая от чьего-то дыхания. «Алло, алло, дежурный слушает!» Тишина. Внимательная, чуткая, живая — ничего кроме. «Кто вы?» — он взмолился последний разок и осторожно опустил трубку. Пустота, царящая вокруг, мгновенно всосала отзвуки бессмысленных вопросов.

Теперь звонили по-местному, из института.

Дежурный сел куда-то, — вероятно, за стол начальника отдела, — держа потными пальцами телефон. Тот почему-то дергался. Дежурный окинул взглядом поймавшую его черную чужую комнату и понял, что теперь не сможет заставить себя включить свет. Мало того, не рискнет пойти в туалет, даже если будет гибнуть от распирающего организм желания… Тем временем кто-то неторопливо подошел к двери и спросил:

— Шура, это ты, что ли?

5

Наш отдел представляет собой тупик. Не в социальном смысле, разумеется, а в архитектурном. Главный институтский коридор имеет небольшое ответвление, в котором располагаются: аудитория с партами и доской, дисплейный класс, машинный зал, агрегатная и, наконец, лаборатория, где тружусь я. Коридорчик с перечисленными комнатами и есть отдел «Управляющие микросистемы». Коридорчик упирается в дверь. За ней — последняя комната, главное помещение отдела. Здесь резиденция нашего начальника, оборудованная секретаршей, сейфом, телефоном — все, как у людей, — здесь же и мой нынешний пост. Короче, описываемое место — это аппендикс в чреве прославленного учреждения. Ловушка.

Нет, я не струсил. Просто распсиховался, что тут странного? Выработанная эволюцией физиологическая реакция. Другой молодой специалист на моем месте бы спятил. Вот почему когда я снимал замок со стопора, у меня примитивно тряслись руки. Ощущение гадкое, настоящий отходняк.

— Подожди, — сказал я. — Сейчас открою.

Гость мощно шагнул — большой, квадратный, — вдвинулся, словно поршень, с неудержимой легкостью. Он включил свет и спросил, морщась:

— Чего сидишь в темноте?

— Сплю, — соврал я, спрятав дергающиеся руки в карманах. Фраза была непомерно длинна. Чтобы справиться с ней, пришлось сосредоточиться, потому что предательская дрожь еще рвалась на волю.

— Ты спишь не в лаборатории? Я, когда дежурю, всегда сплю там.

— Здесь телефоны, — объяснил я ситуацию. — Может поступить какой-нибудь секретный сигнал.

Про надувной матрац ничего не сказал, естественно. Незачем ему знать мои маленькие хитрости — он парень хороший, но обожает неудачно острить. Пусть думает, что я сплю сидя.

Это был Лбов. Коллега Лбов. Его рабочий стол стоит в лаборатории рядом с моим, мы понемногу приятельствуем, мы оба — просто инженеры. Он пришел сюда по распределению года на два раньше. Спортсмен, хотя и бывший. Уже повесил штангу на гвоздь.

— Ну, ты меня напугал, — сказал он, гоготнув истинно по-спортсменски. — Чего это, думаю, дверь изнутри закрыта?

— Это ты звонил? — спросил я его.

— Я звонил. А что? Выяснял. Зато как твои «Алло!» в трубке услыхал, так сразу все и понял. Дежуришь?

— Дежурю.

— Ну и дурак.

Я очнулся. Я посмотрел в его ухмыляющуюся рожу. Все нормально, обыкновенный Лбов. Только глаза почему-то томились ожиданием — ожидание стояло в глазах неподвижно, молча, как трясина, — и тогда я вспомнил свои обязанности. Я задал резонный вопрос:

— Почему ты в институте?

— У меня есть, есть разрешение на работу в ночь! — неожиданно крикнул Лбов.

И настало молчание.

Поразительно: чем-чем, а нервами он не страдал по определению.

— У нас в отделе нет ночных работ, — тихо возразил я.

Спортсмен чуть не задохнулся от гнева. Затрясся всем туловищем:

— Нет работ? Что ты вообще понимаешь! Ты, дурак!

— Что случилось? — я растерялся.

И опять было молчание.

— Случилось? — удивился он — вполне культурно. Зачем-то оглянулся и объяснил. — Я в вычцентр записан. Причем здесь на отдел? Служебная записка лежит в охране.

Он рывком проследовал мимо, сдвинув с места застоявшийся воздух, упал локтями за начальнический стол и устало добавил:

— Не твое дело.

— А зачем ты сюда поднялся? — продолжил я тогда серию резонных вопросов. — Ворвался, мешаешь тут.

Лбов спохватился. Пробежал суетливым взглядом по мне, по телефону, по циферблату часов и вдруг рявкнул: «Тьфу!» Замолчал, думая. Лицо его ясно показало: думать ему приходится, мягко говоря, о чем-то неприятном. Лицо сослуживца Лбова всегда было откровенным до неприличия.

— Спасибо, что напомнил, — выдал он наконец. Затем тревожно спросил. — Шура, сюда никто кроме меня не звонил?

— Какая-то женщина по городскому телефону. Выпытывала, один я здесь сижу или нет.

Бывший спортсмен издал вздох. Это было похоже на тепловоз. Выпустив пар, он возложил растопыренную пятерню на телефонный аппарат прямо перед собой:

— Ясно, это она.

— Кто?

— Шура, я шел сюда, чтобы позвонить жене. Теперь ты

успокоился? — и принялся остервенело терзать диск.

— Приветик, — сказал он через минуту, — это я. Как где? На работе. Подожди, не хами. Не хами, я сказал. Ты не со мной говорила, дура! Да подожди ты! Мы с ним вместе работаем, он сегодня дежурит. Его тоже Сашей зовут, поняла?.. — гримаса была неописуема. — Не реви. Не реви, я сказал. Кончай реветь, дура…

Смотреть на лицо Лбова было явной бестактностью. Все равно что читать чужие письма. И я отвернулся. Странные, однако, у них с женой отношения, мне такого не понять.

— Тезка, скажи ей, как тебя зовут, — попросил Лбов.

— Александр, — громко назвался я. — Талантливый инженер.

— Ну перезвони, если хочешь, — равнодушно произнес Лбов и разжал пальцы. Трубка попала точно на рычаг. — Хвали себя сам, ругать тебя будет жена, — задумчиво изрек он дежурную мудрость, невпопад, по обыкновению. — Слушай, талантливый инженер, зачем ты ей ляпнул, что ты Саша?

Я удивился.

— Так я же действительно Саша.

— Ну и дурак, — заржал.

Телефон вякнул.

— Я, — дохнул Лбов в трубку. — Убедилась? Да. Нет, следующей ночью тоже. Нет, не перестал ночевать дома, просто очень много работы. Да, кошмарно соскучился. Спокойной ночи, маленькая.

Мне все это надоело. Время бездарно тратилось, а ведь у меня был такой план, такая мечта, и как раз я поужинал, в моем распоряжении имелись полтора полновесных часа, а тут пугают, хамят…

— Ладно, поговорил с женой и проваливай. Саня, ты мне в самом деле мешаешь, я тут собирался еще поработать.

— Ты же спал! — сразу сказал он. Будто ждал. И посмотрел мне в глаза. Посмотрел нехорошо, недобро — решал в уме уравнение, где я был в качестве неизвестной. Лицо его… Я отчетливо понял: все-таки что-то не так. Не так просто. И вдруг вспомнил. Женский смех в коридоре!

Было видно, что мысль Лбова беспорядочно мечется, ищет неотразимые слова. Но тут явственно зацокали каблучки. Звук быстро приближался: кто-то шел, направляясь сюда же, в конец тупика-аппендикса. Лбов сел. Я в очередной раз покрылся потом и придвинулся к бывшему спортсмену. Цокот стих, напряженный голос еле слышно позвал:

— Саша, ты здесь?

6

Опасливо заглянула, щурясь от света, вошла и остановилась. Вроде бы молодая. Хотя кто их разберет, они сейчас все молодые. Вот невезуха, подумал дежурный, оправляя пиджак. Девицы здесь только не хватало… Полновата, правда. Я таких мяконьких люблю, впрочем, я всяких люблю, жалко, они об этом не знают…

— Ты чего приперлась? — первым вступил в беседу инженер Лбов.

— Здравствуйте, — сказала девица дежурному — персонально.

— Чего приперлась, говорю? — повторился Лбов. Иногда он становился назойлив. Гостья распрямилась, хотя и так была, казалось бы, строго вертикальной.

— А ты чего застрял? Бросил меня там!

Лбов с горечью констатировал:

— Маленькой страшно.

Сегодня всем страшно, мысленно усмехнулся дежурный.

— Вы кто? — спросил он. — Здравствуйте.

— Я ее в нашей лаборатории оставил, — начал объяснять Лбов. — Чтобы ты лишний раз слюни не пускал. Это студентка, она у нас на практике. Покажи дяде пропуск, маленькая… Все в порядке, Шура, она не шпионка, только вот разрешения на работу в ночь у нее, естественно, нет. Так что звони, докладывай.

— Ага, — сказал дежурный. — Сволочь ты. Знаешь же, что не позвоню.

Коллега заулыбался.

— Понимаешь, она в общаге живет. А сегодня никак не может там ночевать, кое-какие обстоятельства. Вот я и помог человеку. Это очень печальная история, Шурик.

Диван, подумал дежурный. В лаборатории имеется диван. Они шли в лабораторию… Неужели настолько банально? Неужели суть этой возни стара, как история грехов человеческих?

— И кроме того, — продолжал Лбов, — ей ужасно хочется… — он сипло хмыкнул, — поработать в сети. А студенточкам время не очень-то дают. Да и днем время дефицит, сам знаешь. Это главная причина ее присутствия здесь.

— Да! — подтвердила студентка. Громко, вызывающе. В нежном голоске прорезалась сталь. Лбов коротко глянул на нее и снова хмыкнул.

— Отличница, — сделал он последнее пояснение.

Хватит, решил дежурный, надоело вранье.

И нанес сокрушительный удар.

— Значит, пришли в ночь работать? — едко уточнил. — В сети? А я ведь, Саня, совершал обход. Около вычцентра был, там все закрыто, ни техника нет, ни системщика. Плохо ты продумал легенду, Саня.

Бывший спортсмен умел держать удары, даже не покачнулся. Только снова закричал:

— Ты ничего не понимаешь!

Замолчал.

— Чего не понимаю?

— Я как раз хотел тебе признаться, да вот отличница, — он кивнул, — перебила. Попросить тебя хотел. Конечно, ихние железяки мне на фиг не нужны, просто я… В общем, я собирался на «Жуке» поработать.

— На «Жуке»? — вскинулся дежурный. — Ты тоже?

— Почему тоже? — Лбов удивился. — А кто еще?

Дежурный опустил взгляд.

— Никто…

— У меня все отлажено, Шура, я уже несколько вечеров сюда прихожу и работаю. Короче, пустишь в лабораторию? Ты сегодня начальство.

Дежурный яростно жевал губы. Что-то ему не нравилось в просьбе сослуживца, чем-то он был откровенно недоволен. Испоганили план, тоскливо думал дежурный. Как быть? Плюнуть, смириться?

— Про разрешение ты мне, конечно, наврал, — зачем-то сказал он. Лбов наивно улыбнулся. — Ясно, прятались где-нибудь в сортире… — дежурный пусто посмотрел на девушку. — Ой, извините… Ладно, плевать мне, где вы прятались. Только зачем ты студентку привел? Очень прошу, не ври.

— Меня зовут Лариса, — звенящим голосом сообщила девица. Оказалось вдруг, что она стоит совершенно пунцовая. — Я могу и сама вам объяснить, Александр — простите, не знаю отчества. Дело в том, что меня тоже интересует микросерф марки «Жук», и ваш друг Александр Владимирович любезно согласился продемонстрировать аппаратуру в действии.

— Ты же понимаешь, — добавил Лбов. — Днем «Жук» не включишь.

— Я понимаю, — сухо сказал дежурный.

Он действительно понимал. Ему давно все было ясно. Собрались работать! Ночью! Вдвоем! Этой «отличнице», видно совсем-совсем нечего терять… Дежурный здорово злился. Хотя неизвестно, чего в нем было больше — раздражения или зависти. Одновременно он ощущал смутное облегчение, потому что оказался прав: никакие микросерфы Лбова явно не интересовали.

Бывшему спортсмену всегда требовалось от жизни только одно. Знаем, знаем. И это по-человечески так понятно.

— Ладно, — сказал дежурный. — Но только на полчаса, не больше! Имей в виду, Саня, через полчаса я приду в лабораторию.

Лбов махом встал. Заметно было, что его одолевает жесточайшее нетерпение: суетились руки, играли глаза.

— Лора, маленькая, за мной! — гаркнул он. — Пошли, дядя сегодня добрый.

7

Я не умею беседовать с привлекательными женщинами. Я временно становлюсь придурком. Мне почему-то начинает казаться, что мои реплики невыносимо фальшивы, что со стороны совершенно ясно — на самом-то деле в мыслях у меня гнусность. Причем, собеседница прекрасно понимает, что именно у меня в мыслях. Но голову мою, и это самое противное, действительно одолевают не вполне чистые фантазии — то ли по причине навязчивого опасения не иметь их, то ли потому, что привлекательная женщина извечно освобождает низменное в мужских головах. Есть в этом что-то болезненное. Короче, я боюсь привлекательных женщин.

И вообще я женщин боюсь.

Ну, а в такой двусмысленной ситуации было просто безумием — беседовать. Однако я справился. В чем дело, спросил я для начала, желая рассеять недоумение. Почему сударыня вернулась из лаборатории? Неужели кавалер отпустил такую красавицу, решил работать в одиночестве?

Она объяснила: ей слегка не по себе. Она ничего не понимает. Лбов привел ее к «Жуку», усадил рядом, врубил аппаратуру, начал показывать, растолковывать, но делал он это крайне путано, попросту невразумительно, с каким-то оскорбительным равнодушием, будто думал о чем-то гораздо более важном. А дальше и вовсе повел себя дико. Он выключился. Натурально. Лбов забыл о том, что рядом сидит гостья: перестал реагировать на вопросы, вообще перестал разговаривать, только стучал пальцами по клавиатуре и экран разглядывал. Наверное, увлекся работой. Или обиделся, а? Даже не обернулся, когда она встала и ушла. В самом деле, зачем ей было оставаться в лаборатории? «Твой друг странный парень, — добавила Лора. — Какой-то он…» Лора — это уменьшительное имя, исключительно для друзей. И тоже можно на «ты». А мое имя — Шура, исключительно для подруг… Да, она учится в Промышленном институте, готовится стать видным инженером. Зачем, разве ее не тревожит компьютеризация? Нет, не тревожит. В условиях нашей экономики информационная война невозможна, следовательно размах компьютерной преступности и прочих газетных ужасов вряд ли достигнет и четверти западного уровня. И вообще неизвестно, угрожает ли нашему обществу такое технологическое чудо, как «всеобщая компьютеризация». Так она полагает. По крайней мере, в обозримом будущем чудес не ожидается, поскольку за пяток лет учебы в институте она вдоволь

насмотрелась на наших подрастающих специалистов и наелась по горло работой на технике двадцатого века, поэтому радужные перспективы склонна оценивать трезво, спокойно, с юмором…

Беседа с привлекательной женщиной получалась — никакой вам двусмысленности! Лора оказалась девочкой серьезной, увлеченной нашей с ней специальностью, одним словом — отличницей. Что скрывать, во многих вопросах она явно разбиралась лучше меня. Впрочем, тсс! — зароем это малоприятное наблюдение поглубже. Я был не прочь подарить ей свою любовь, и немедленно, если бы не Лбов, конечно… А что Лбов, ну что такое — Лбов! Мне, разумеется, плевать на подробности их отношений, но познакомились они всего неделю назад. Ее засунули практиковаться в отдел ГАСов, а у этого жлоба там друг детства трудится, этот жлоб ходит туда в рулетку играть, ну и сошлись они с Лорочкой на обсуждении персональных ЭВМ. Он, кстати, сразу показался ей странным. Хотя, если честно, она чуть не спятила от счастья, когда узнала, что в нашем аппендиксе есть настоящий фирменный «Жук». Лбов — это типичное знакомство по расчету… Кстати, Саша, «Жук» — мощная система (ты ведь знаешь, да?), в него даже встроен флэш-модем прямого доступа… Почему мощная? Обыкновенная, — я тоже показывал эрудицию. Только другая элементная база, и все. Ну и плюс новомодный сервис… В общежитии — нет, она никак не могла остаться на ночь! Как назло, сегодня ни одной из соседок, а там комендант — противный мужик — клеится (понимаешь, да?), устроил бы вечерок отдыха, только и ждет момент. Она раньше уже два раза не ночевала, боится коменданта. А тут как раз Александр Владимирович подвернулся… Лбов? Нет, его она не боится (что ты, что ты!), культурный же человек… Да! — она мило посмеялась над моим остроумным замечанием. — Действительно, «Саш» нынче развелось, как котов, действительно, «Саша» нынче не имя, а обозначение особи мужского пола, вроде «молодого человека». Кстати, анекдот из серии о молодой семье…

Я совсем забыл про время. Когда опомнился — обнаружил, что полчаса, щедро подаренные мной, давно канули. Лбов не появлялся, тогда я храбро встал.

8

За окном черно. Мерцает экран дисплея. Необъятная фигура на крохотном стуле — спиной к дверям. Под рубашкой равномерно перемещаются каменные бугры, тренированные руки парят над панелью. Тишина: «Жук» как всегда бесшумен. Кадр из фильма ужасов.

— Я же говорила! — прошелестела студентка, вдруг прижавшись к дежурному. Одуряюще повеяло теплым, и тот на миг застыл — не от страха перед увиденным, от нежданной близости. Затем решительно шагнул, сломав все.

— Ну, хватит! Саня, давай выметайся.

Лбов молча работал.

— Кончай, — предложил дежурный еще раз. Но коллега и не думал пользоваться навыками устной речи, он зачарованно следил за мелькающими на экране строками, пальцы же его стремительно порхали по клавишам. Действительно работал! Поразительно. Было в его облике что-то поэтическое, одухотворенное — Лбов творил. Что с ним? Дежурный заглянул ему в лицо: там напряженно пульсировала творческая мысль. Впрочем, поведение спортсмена было настолько непонятным, что у дежурного не получилось раздражения или злости. Получилось беспокойство. Он осторожно тронул приятеля за плечо. Тот не удостоил его вниманием, даже бровью не повел — просто работал — тогда дежурный закрыл ладонями экран. Спортсмен вздрогнул и грубым, очень естественным движением убрал помеху, так и не повернув головы.

— Ты что? — растерянно спросил дежурный. Оглянулся. Студентка заглядывала в дверь, почему-то не решаясь войти внутрь, глаза ее были совершенно круглыми. Он постоял несколько мгновений, подождал неизвестно чего… И повернул на пульте ключ — туда и обратно.

Экран вспыхнул. Затем стал чистым.

Тут же — неодолимая сила скрутила дежурного узлом, протащила к дверям, швырнула наружу, он успел только заметить, как выдуло из дверного проема вновь обретенную приятельницу, услышал ее девчоночье: «Мамочка!» — а может быть собственное? — и страстно обнял стену в коридоре, влепив губы в крашеную штукатурку.

Александр Владимирович Лбов появился через минуту. Имел абсолютно нормальный вид, правда, слегка встрепанный. Озабоченно разминал кисти рук.

— О-о, вы здесь! Чего в коридоре топчетесь, не заходите?

Стесняетесь?.. У меня что-то произошло, память вдруг очистилась. Напряжение упало, наверное. Шура, лампочка не мигала, не заметил?

Сказал все это — будто ничего такого.

— Сволочь! — закричал дежурный, косясь на студентку. — Чего дерешься-то? Обещал полчаса, а сам!

— Ошалел? — теперь удивился Лбов.

Студентка водила глазами — с одного сотрудника на другого. Дежурный продолжил крик:

— Катись в свой вычцентр! Или в свой сортир, куда хочешь! Приперся тут, жить мешаешь!

— Подожди, Шура, не ори, — очень спокойно сказал Лбов. — Не понимаю, чем я тебе мешаю? Сиди себе в отделе, дежурь, а лучше всего надуй матрац и спи.

Дежурный осекся.

— Какой матрац?

— Да ладно тебе, не бомба же в твоей сумище. Я сам такой притаскиваю, когда дежурю… Короче, чего ты бесишься, объясни?

— Думаешь, ты один умный? — высокомерно предположил дежурный, вновь отдаваясь клокочущей ярости. — Думаешь, ты один умеешь и любишь работать? Я между прочим специально напросился на ночь вне графика, чтобы…

— Не ори, дурак, — повторил Лбов.

— … чтобы начать, наконец, заниматься делом! Днем ведь к «Жуку» и таракан не подберется — отгородили, опечатали! Может я только и ждал десяти вечера, когда институт закроют, а потом — обход дурацкий, а теперь — ты!

Лбов заметно сузился. Будто сдулся. И стал тихим.

— Так, — сказал он. — Ясно, тебя тоже «Жук» интересует. Я чувствовал… Значит, ты разлюбил нормальные персоналки?

Он внимательно посмотрел на дежурного, затем на студентку — абсолютно пустым взглядом, — и снова на дежурного. С вязким, нехорошим любопытством. И задумался. Затем он посмотрел на дверь лаборатории, голодно и нетерпеливо.

— Тебя, кстати, девушка ждет, — заметил дежурный, уже вполне мирно.

— Инструкция по программированию знаешь где лежит? — с подозрительной покорностью спросил Лбов.

— А как же! У завлаба в столе. Я ее смотрел, там операционная система стандартная, — он взялся за дверную ручку, потянул дверь на себя.

Но тут случилось.

Лбов сгреб дежурного в охапку и потащил в конец тупика, хихикая басом, бормоча всякие глупости, что-то вроде: «А еще

очки надел… а еще в шляпе…» Тот рвался, брыкался, впрочем, сопротивляться было бесполезно, потому что сил у спортсмена хватило бы на пяток подобных жеребцов. Он засунул дежурного в помещение отдела, навалился на дверь, всунул ключ в замок, провернул до упора. Со стороны это выглядело так, будто школьники резвятся на перемене. Глупо и трогательно.

— Пусти, придурок, я позвоню в охрану! — визгнул дежурный.

— Звони, — разрешил Лбов, доставая перочинный ножик. По стене не слишком высоко тянулась пара двужильных проводов — беззащитные, розовые — от местного и городского телефонов. Он аккуратно надрезал изоляцию, поле чего закоротил каждый провод канцелярской скрепкой. Как и дежурный, он был человек запасливый. Выцедил в дверь:

— Конкурент недоношенный. Конкурентишко. Подумаешь, герой, вне графика дежурит. А я вообще дома не ночую, понял! Жена бесится, стерва деревянная…

— Пошел ты на!!! — харкнула дверь.

Лбов пошел, ухмыляясь.

— Что с телефоном сделал, ты, лошадь! — заорала неугомонная дверь. И вновь настала тишина.

9

Критическая статья о проституции под названием «Легкотрудницы». Очерк «Право голоса» — о молодом, но уже талантливом певце. Письмо школьников младших классов с требованием ввести прямые выборы руководящего состава Министерства образования… Я зевнул. Еще зевнул. И еще. Жутко хотелось спать… Буровая вышка установлена на Северном полюсе, в Выборге проходит первый чемпионат по спортивному программированию, полиция Нью-Йорка разоблачила очередную международную группу женщин-фанатиков, уничтожавших вычислительные машины… Проклятая зевота. Проклятая газета. Проклятое дежурство.

Газета была не моей. Когда те двое убрались в свою — то есть в мою! — лабораторию, я понял, что надо срочно успокоиться. И тогда я обшарил стол начальника отдела. Просто так. Ничего особенного не искал — ну там фотографии жены или любовницы секретного свойства, какие-нибудь интересненькие бумаги, или еще что-нибудь этакое. Некоторые мужчины хранят у себя на работе то, что не могут хранить дома, как я уже неоднократно убеждался. Да, понимаю, шарить по столам не интеллигентно. Но… Сидит у меня в крови какая-то поискомания, наверное, от мамы перешла.

— … возвращаясь к проблеме компьютерной преступности, компьютерного терроризма, вредительства в вычислительных сетях, необходимо добавить, что все это связано с неким страшным процессом, — скучно бубнило радио. — Дело в том, что в среде технической интеллигенции появилась новая прослойка, так сказать, романтиков с большой дороги. Доступность, «чистота» деятельности за дисплеем значительно сдвинули общепринятые границы безнравственного…

Итак, я продолжал нести героическую вахту. Только дверь в помещение отдела закрыта была теперь не изнутри, а снаружи. На двери два замка: верхний — обычный накладной, а нижний наглухо врезан в дерево, причем имеет отверстие для ключа только со стороны коридора. Дурацкая система. Нормальные люди нижним замком не пользуются.

Лбов закрыл на нижний.

— … прошу прощения, — продолжало радио. — Хотелось бы расставить точки. Разумеется, проблемы преступности существуют и сами по себе, но война, разразившаяся в сфере информационного бизнеса, придает им особую остроту. Вот примеры. Многочисленные организации компьютерных хулиганов

и авантюристов, судя по сообщениям прессы, имеют централизованное управление. А управляющие нити, как ни странно, ведут либо в фирмы, производящие вычислительную технику, либо в правления сетей. Это раз. В фирмах существуют специальные отделы, занимающиеся изучением и разработкой компьютерных диверсий и готовящие соответствующих специалистов. Там же исследуются вредные воздействия работы за дисплеем, конечно, не только для их нейтрализации, изучаются и наиболее азартные компьютерные игры. В общем, примеров много. В сущности, информационная война сводится к яростной конкуренции по всевозможным направлениям, и формы ее традиционны — протекционизм, дискриминация, и как следствие — шпионаж и вредительство. В той или иной степени она велась всегда. Первопричина же нынешнего обострения, как все мы прекрасно понимаем, законы большого бизнеса. Следует упомянуть и о том, что до сих пор отсутствует надежная, единая система патентования алгоритмов, такая же бесспорная, как, например, принятая в отношении изобретений или промышленных образцов…

Лбов явно родился мускульно переразвитым — обратно пропорционально интеллекту. Охамевший, набухший силой мужик. Что ему на самом деле нужно в институте? Фиг его знает. Врет, ведет себя странно. А что нужно этой студентке? Ну, с ее-то желаниями полная ясность, достаточно хоть раз увидеть Лбова без рубашки… В общем, темная история. Ночь.

— А сейчас новости культуры. Людочка вышла замуж за бармена, ее дочка от третьего брака развелась с проректором столичной консерватории. На фирме «Аккомпанемент» выпущена пластинка Валериного племянника. В столице организована труппа бывших солистов Главного театра, по разным причинам не вернувшихся из зарубежных гастролей и впоследствии приехавших обратно. Труппа сразу отправилась в турне по Европе. Невиданным провалом закончились выступления бродвейского мюзик-холла в районах Сибири и Дальнего Востока. Небывалый успех сопутствовал мастерам отечественного брейк-данса в поездке по центрально-африканским странам…

Впрочем, возможно, вот этого как раз и не было сказано. Может быть, я сам это выдумал, чтобы взбодрить дух. Все может быть. Просто я сидел за чужим столом, читая чужую газету, я смотрелся в черное зеркало окна, размышляя, матерясь, слушая радио, а было уже — половина первого. Было уже «завтра».

10

Из-под запертой двери в комнату вполз шорох. И зловещий вздох. Я лениво встал, приглушил радиоточку и гавкнул:

— Лбов, это ты?

— Это я, — донесся нежный шепоток.

Сюрприз. Я трусливо швырнул газету на место, задвинул торчащий ящик обратно в стол и сухо поинтересовался:

— Пришла пожелать спокойной ночи?

— Я уже давно стою в коридоре.

— Извини, не могу пригласить в гости.

Студентка изобразила целую серию вздохов.

— Саша, мне страшно.

Если честно, я не очень удивился. Лбов без рубашки, это в самом деле испытание не для впечатлительных натур.

— Ничем не могу помочь, — сказал я. — Ты же видишь.

Она не ответила — молча терлась о дверь.

А меня вдруг осенило. Я даже затрепетал от радости. Вытащил из кармана связку ключей, звеня на весь институт, отыскал требуемый и сорвал его с кольца. Хорошо быть таким находчивым.

— Держи ключ, — воскликнул я, стараясь унять в голосе триумфальные колокола. — Здесь, под дверью.

Упал на корточки и просунул в щель плоский кусочек стали.

— Зачем? — слабо спросила студентка.

— Сможешь открыть? Изнутри никак, только снаружи.

По ту сторону стало шумно: женщины не умеют без возни.

11

Она действительно боялась, это было видно без приборов. Чуть ли не зашкаливала.

— Ты чего? — спросил дежурный.

Вместо нормального ответа студентка открыла кран. Хлынул пенистый монолог:

— Слушай, он спятил! Опять сидит, не откликается! Понимаешь, я волновалась, что он будет меня лапать и все такое, он ведь красавчик, а я, между прочим, терпеть не могу красавчиков! Лучше бы он меня лапал, честное слово!..

Дежурный выслушал. Заниматься утешением не стал — молча покопался в стенном шкафу, молча нашел запасные ключи, молча покинул помещение, оставив гостью в одиночестве. Затем проследовал по коридору мимо лаборатории, не заглянув вовнутрь, — старательно оберегал в себе злость. Он открыл найденным ключом дверь агрегатной, некоторое время разбирался с пакетными переключателями и вернулся к отделу, удовлетворенный. Перед тем, как войти, он вытащил из телефонных проводов лбовские скрепки, расправившись таким образом с хитроумной неисправностью.

Телефон тут же зазвонил.

— Алло! — сразу откликнулась студентка. — Да, это институт.

Минуты три она беззвучно внимала телефонной трубке, потом сухо стукнула ее о рычаг и повернулась. Точеное ухоженное личико почему-то сплошь было в красных пятнах.

— Что такое? — поразился вошедший дежурный.

— Там какая-то пьяная, — растерянно объяснила студентка. — Плачет… Просила тебе передать, что… что прямо сейчас выпьет кислоту.

— Кому передать?

— Сказала — Сашке.

Дежурный тупо смотрел на оживший аппарат.

— Еще она меня обозвала… — студентка пошевелила губами и не решилась повторить вслух. Культурная была барышня.

— Да это Лбову звонили! — наконец догадался дежурный. — Это его психованная жена, — он представил себе ситуацию в объеме, в цвете и вдруг неприлично гоготнул. — Бедолага! Ну влип, так влип.

Теперь студентка удивилась:

— Он же в разводе!

— И ты поверила? А еще отличница.

— Он кольцо на левой руке носит. Я даже подумала сначала, что он католик.

— Лбов левша, — серьезно сказал дежурный. — К тому же бывший спортсмен. Все бывшие спортсмены носят кольца на левой руке и говорят, что в разводе.

Искреннее девичье удивление улетучилось.

— Подожди, как же он тогда по ночам сюда ходит, если у него жена? — она опять заметно испугалась. — Про жену наврал… Саша, у вас в самом деле не разрешают на «Жуке» работать? Он мне сказал, что тут какие-то интриги. Может, тоже врал?

И дежурный в свою очередь прекратил веселиться.

— Все точно. Только не интриги, а обыкновенное жлобство. Устроили, понимаешь, экспонат. Чтобы с него пыль вытирать и показывать начальству, какие интересные штучки американцы делают. Пускают только детишек начальства — пусть, мол, подрастающее поколение потешится. Память сенсорными игрушками забита, и стирать их не разрешают. Зачем, спрашивается, валюту тратили?

— Саша, а ты тоже хотел ночью на «Жуке» работать?

— Не ночью, а поздним вечером. Ночью я сплю.

Студентка странно посмотрела на дежурного. В ее мерцающих глазищах мелькнуло несколько коротких, внезапных импульсов ужаса. Да, она продолжала бояться, она боялась все более зримо. Чего? Или кого?

Напряженно спросила:

— Ты что, раньше уже работал на нем?

— Знаешь, — стыдливо признался дежурный, — пока только один раз. Поймал момент — вчера, когда в вечернюю смену оставался. Нашел в столе завлаба инструкцию, случайно, конечно. Там же ключ от машины лежал… Ощущение в пальцах у меня до их пор осталось. Легкость, нет, скорее удовольствие… Хотя, тебе не понять.

Секунду-другую дежурный мечтал, расслабившись. Но, очевидно, слово «удовольствие» заставило его вспомнить о главном.

— Ладно, кончаем болтать. Пошли, поможешь мне.

И целеустремленно шагнул вовне. Студентка тоскливо глянула на часики, зачем-то оправила нечто под блузкой, огладила рвущиеся из тряпок бедра. Оглянулась. Все было в порядке: брючки на месте, кроме того, никто ею тайно не любовался. Тогда она шагнула следом.

— Будь другом, — распорядился дежурный, доведя гостью до агрегатной. — Сейчас я пойду обратно в отдел, а ты подожди

немного и дерни вот эту штуку, — он распростер палец, указуя на одну из пластмассовых коробок в блоке пакетных переключателей. — Только не раньше, чем я буду в отделе, ладно?

— Почему? — спросила гостья. Она явно оробела: здесь было слишком много скверного, грубого, немытого железа.

— Потому что в коридор выскочит твой Лбов. Ты обесточишь ему «Жук», поняла?

— А как же… — студентка растерялась.

— Ничего, ему пора сделать перекур.

— Хорошо, — согласилась она, предав Александра Владимировича легко, чисто по-женски.

План удался. Едва дежурный закрылся в отделе, оставив для наблюдения крохотную амбразуру, как прозвучал далекий выстрел переключателя, дверь лаборатории мотнулась, и в коридоре возник ураган. Ураган покрутился на месте, щедро разбрасывая междометия, вдруг заметил в конце коридора-аппендикса распахнутую настежь дверь агрегатной и двинулся туда, стремительно набирая мощь. Дежурный чуть выждал, затем неслышными скачками бросился в атаку. Ураган немедленно развернулся в обратном направлении, но дежурный успел раньше. Он свернул в лабораторию — визгнули тормоза — подбежал к заморскому компьютеру, выдернул из пульта ключ, а тут и бушующая стихия ворвалась следом, тогда дежурный, проявив смекалку, прыгнул к распахнутой форточке и совершил акт бросания. Маленький серебристый предмет, коротко сверкнув за окном, полетел в черную бездну.

Ураган сразу рассыпался.

— Ты что сделал? — тихо спросил Лбов.

Дежурный показал пустые руки.

— А где ключ от машины?

Дежурный смирно улыбнулся.

— Идиот! — заорал Лбов. — И-ди-от!

И в явном помрачении ума замолотил каблучищем в пол.

12

Хорошо я его наколол, мне понравилось. Хрусть! — булавкой к паркету, и он мой. Как бывший спортсмен он, конечно, не умел проигрывать, но ничего, я потерпел. Он раскричался, разнервничался! Объяснил мне, что я есть такое, какие неприятности нас с ним теперь ожидают — особенно налегал на мои неприятности. Мне даже пришлось его успокаивать. Не волнуйся, говорю, это ведь ты работал на «Жуке», а не я, это ты украл из стола завлаба ключ от машины, ты без разрешения находился в режимном учреждении, ты привел постороннюю женщину. Это, говорю, твои цели неясны и подозрительны. Сдам я тебя в охрану, мне, конечно, объявят выговор, и заслуженно, а с тобой пусть служба порядка разбирается. Сеанс психотерапии оказал на спортсмена целебное действие: он вспомнил, что в русском языке есть и цензурные слова. Пришла отличница, в меру испуганная, попыталась встрять в мужской разговор, так ее Лбов успокоил самостоятельно. «А ты вообще молчи, с-с-су…» — начал он лечение словом, но решил не продолжать, поскольку этого хватило. Потом в разговоре наступила пауза. Лбов смотрел в окно и размышлял, я наслаждался игрой его лица, студентка держала себя в руках, стараясь не испортить компанию. Было весело. Наконец, Лбов устал размышлять и обратился к своей пухленькой подружке. Та, внимательно выслушав, забилась в истерике, потому что ей предложили спуститься в институтский двор и поискать там ключ от «Жука». Лбов бы сам пошел, но увы, не может — надо присмотреть за этим идиотом (я небрежно покивал, понимая его проблемы). А ключ надо найти обязательно, иначе… (он повторил ранее изложенные соображения, теперь уже в рамках общепринятого словаря). Поиск ключа, по мнению Лбова — дело вовсе не безнадежное, ключ наверняка валяется точно под окном лаборатории… Короче, не знаю, как он уговорил студентку. Вероятно, она боялась темной лестницы и пустого двора значительно меньше, чем нас с ним. Кроме того, мужики вроде Лбова легко добиваются от женщин всего, что им угодно — этот закон бесит меня еще со времен достижения половой зрелости. Я проявил душевную щедрость — сознался, что мне выдан казенный фонарик, который в данную минуту находится на столе начальника. Лбов обрадовался, и мы перебрались из лаборатории в помещение отдела. Сопровождаемый недремлющим оком (шаг влево, шаг вправо считался попыткой позвонить в охрану), я выдал девушке фонарик, и та удалилась, неся на ватных ногах груз опрометчивого согласия.

— Ну все, Шура, — объявил мне Лбов. — Услали стерву, теперь займемся тобой.

Его голос был почти интеллигентен. Но на этой ровной глади плавала угроза такой густоты и концентрации, что я вдруг многое понял. Я понял: веселиться мне рано. Или поздно.

— Почему «стерва»? — задал я нейтральный вопрос. — Ты ее уже не любишь?

— Это только ты, девственник наш, всех стерв подряд любишь. В снах на рабочем месте.

Он не улыбался. Он сканировал взглядом поверхность моего лица.

— Что?! — спросил я. — Что ты сказал?!

— Девственник, говорю. Знаю я таких — громче всех кричат о работе, а сами вместо программ голых баб распечатывают. Зачем тебе «Жук»? Спал бы себе с распечаткой.

Оскорбил. Он меня оскорбил. Он. Меня…

— Погоди, не визжи, — скривился Лбов. — Я серьезно. Расстелил бы эту отличницу вместо матраца, и вперед. Прямо тут, на столе шефа. Тебе же ее отдали. Зачем ты другим хочешь вечер испортить?

Я, наконец, восстановил дыхание, чтобы сказать ему правду:

— Сам ты!!! Инженер торсоголовый!!!

Он прочистил уши:

— Ладно, надоел ты мне, — и внезапно стал снимать с себя подтяжки. Это было так странно, что я даже рот забыл закрыть. Опомнился, когда Лбов шагнул ко мне вплотную, дружески обнял. — Возьми-ка руки за спину и сцепи пальцы.

— Зачем?

— Вспомним армию.

Тогда я рванулся вон. Но Лбов что-то такое сделал, что-то чуждое нашему образу жизни, и я с размаху врезался в твердое. Мир содрогнулся, вокруг отвратительно зазвенело. Спустя вечность я догадался, что звенит у меня под черепом, что тело мое нелепо распростерто посреди отдела, и что положение это не свойственно специалисту моего уровня. Сверху по мне топтались, вытаскивали из-под меня руки, неразборчиво сипели, и я сдался. Тупая стихия трудилась недолго — меня рывком подняло в воздух, швырнуло в кресло.

— Что ты делаешь? — слабо спросил я. Было больно, внутри ощутимо стонал сорванный крепеж. Мерзко торчали углы выбитых деталей.

— Вяжу тебя, идиота, — с удовольствием откликнулся Лбов. — Чтобы и в мечтах у тебя не было звонить на вахту.

Гладкий, розовый, классически правильный, отдыхал он

возле кресла.

— Закрою тебя сейчас, и сиди, смотри на телефон. Или можешь с Лорочкой сквозь дверь болтать. А я найду во дворе ключ, куда он денется… включу «Жук», начну работать… — взгляд его потеплел, наполнился чувством. Он переместился к окну, распахнул раму, высунулся.

— Послушная девочка, — Лбов причмокнул. — Ходит, фонариком светит.

Вернулся.

— Ладно, пойду ей помогать.

Протянул переднюю конечность, усеянную мускулистыми отростками, и расстегнул ремень на моих брюках. Затем с хрустом выдрал его из петель. Почему-то ничего не порвалось. Крепкие у меня брюки, отечественного пошива. После чего скрутил мне ноги — моим же ремнем! — очень умело, добротно, у самых ступней. Проверил качество работы и собрался удалиться, даже ключ от нижнего замка приготовил, тогда я честно сказал ему:

— Ты придурок, Лбов. Ничего ты во дворе не найдешь.

— Почему это? — браво усмехнулся Лбов.

— Потому что я выбросил в форточку совсем не то, что тебя интересует.

Он заметно поглупел.

— А что?

— Свой ключ от почтового ящика. У меня еще один есть.

Лбов плавно менялся в лице. Опять стало весело.

— Простейшая манипуляция, — объяснил я. — А твой любимый ключ от «Жука» я спрятал там же, в лаборатории, пока ты орал.

Очевидно, Лбов никогда не сталкивался с фокусниками, поскольку лицо его в конце концов сделалось натурально, изумительно лбовским.

— Где спрятал?

Я внес конкретное предложение:

— Развяжешь, отдам.

Развязывал он меня гораздо дольше, чем вязал. Наверное, ему было жалко результатов проделанной работы. Возможно, мешало высокое качество фирменных подтяжек. Закончив дело, он поставил меня на ноги и в нетерпении спросил:

— Идти можешь?

— Ключ под пультом «Жука», — сказал я. — Сходи сам.

После чего было так. Когда Лбов повернулся спиной, я не стал ждать, пока он исчезнет в коридоре, я взял с журнального столика цветочный горшок, в котором общественный кактус вел

героическую борьбу за существование, догнал спортсмена и с размаху воткнул орудие возмездия в стриженый затылок.

Каюсь, это было слишком. Неправильно бить зарвавшегося инженера по голове, есть более удобное место — карман. Но я ударил. Я ненавидел Лбова всего лишь несколько минут, зато по-настоящему. Злость копилась во мне уже больше часа, вот в чем дело. Просто произошел выброс злости, и удержать этот протуберанец было невозможно. Хотя, если откровенно, раньше я ни разу не бил коллег, даже когда меня оскорбляли. Они меня били — особенно в средней школе.

Лбов обнял дверь, издал недоуменное «А?», оглянулся и принялся ползти вниз. Сначала опустился на колени, потом на четвереньки и наконец боком улегся между стульями. Он держал руками голову и выдавливал из желудка хриплые безразличные стоны. Меня замутило. Стало вдруг очень страшно: неужели умирает? Цветочный горшок, как ни странно, остался цел, даже спрессованная веками земля не просыпалась. Я машинально поднял его, поставил на место и тоскливо позвал:

— Саня!

— Больно, дурак… — тут же отозвался Лбов, не вполне владея голосом.

Бывший спортсмен бестолково заерзал, явно желая подняться, тогда я опомнился. Схватил лбовские подтяжки, свой ремень, навалился на него и начал воссоздавать кадры из популярных фильмов. Опыта у меня, естественно, не было, но Лбов оказался вялым, мягким, восхитительно покорным, он только утробно хрюкал и пытался высвободить руки, чтобы снова подержаться за голову. Я с ним справился. Скрутил этого борова, применив методику, чуть ранее опробованную на мне же. Дотащить его до кресла было нереально, пришлось оставить тело на полу. Я сел на стул возле, отдыхая душой, посмотрел на укрощенную стихию под ногами и понял, что мне Александра Владимировича жалко. Он лежал скрючившись, прикрыв глаза, думая о смысле жизни, — он тихо страдал. Это было дико. Все происходящее нынешней ночью было дико!

Что со мной? — подумал я.

— Дурак, — родил спортсмен в муках, — дурак, дурак… Ты ничего не знаешь. Ты же все испортил.

— Чего не знаю?

— Эта студентка… — он запинался на каждом слове, — отличница эта… она не та, за кого себя выдает…

Бредит, догадался я.

— … познакомилась со мной специально… напросилась, чтобы взял с собой, наврала про коменданта общежития… между

прочим Витька, комендант то есть, в глаза ее не видел, никогда к ней не клеился, а мы с ним корешки, в одной команде играли… она не просто отличница, она же разбирается в вычислительной технике лучше нас двоих вместе взятых понимаешь?..

— Думаешь, шпионка? — прервал я его. — Надо было заявить, а не тащить ее сюда.

Лбов попытался рассмеяться. Попытка не удалась.

— О чем заявлять? О том, что у нее в зачетке одни пятерки? Шура, она действительно учится в Промышленном, я проверял.

— А зачем ты привел ее в отдел? Да еще ночью?

— Хотел прояснить ситуацию. Я же чувствую, ей что-то надо, она не просто так…

Лбов открыл один глаз, вывернул шею и глянул на меня. Как петух. В глазу полыхнуло. Да он же врет! — обнаружил я с удивлением. Вовсе он не бредит… Краткие спазмы злости вернулись на миг и утихли.

Но зачем врать так глупо?

— Развяжи меня скорей, — проговорил Лбов в паркет. — Она сейчас вернется, увидит.

Вот оно! Вот зачем ему понадобилось напрягать контуженую фантазию!

— Тоже мне, поймал диверсантку, — бросил я в его опухшую от мускулов спину. И встал. — Тоже мне, герой невидимого фронта. — И пошел.

— Стой, — визгнул Лбов сипло. Застонал, забился на полу. — Я просто хотел переспать с ней, неужели не понял! Не мог же я… если за стенкой сидит посторонний мужик вроде тебя…

Эта легенда казалась гораздо правдоподобнее. Жалко было ее топтать. Я осведомился:

— Вчера ты зачем сюда приходил? И позавчера? С распечаткой переспать?

Он открыл второй глаз. Снова посмотрел на меня — будто ошпарил. Крутосваренный человек. Потом губы его стали капризно расползаться, затрепетали, глаза подернулись влагой, но он не заплакал, он мужественно сдержал слезы.

— Я работаю, — признался он. — Я же говорил, а ты все равно не веришь. Тебе этого не понять, Шура.

Отвернулся. Я ударил лежачего:

— Над чем ты работаешь?

— Программу одну делаю, — возмутился Лбов. — На «Жуке».

— Какую программу?

Этот наивный вопрос вызвал в стане противника замешательство. Там не знали, какую программу делает Лбов на «Жуке». Не знали, и все тут. Не могли хрюкнуть в ответ ничего

вразумительного. Опять круг замкнулся. Я вздохнул, подошел к распахнутому Лбовым окну и выглянул. Внизу никого не наблюдалось: послушная девочка, устав быть таковой, уже покинула сцену.

— Развяжи, гнида очкастая, — зарычал Лбов, плача кипятком. Я проворчал, ныряя в коридор:

— Грубый ты, как Витька Корнеев.

— Какой Корнеев?! — достал меня истерический всплеск эмоций.

— Классику надо читать. А еще инженер.

— Зараза! — выкрикнул бывший спортсмен, очевидно, имея в виду общее состояние своих дел.

13

Он встретил ее в коридоре. Он представил себе, злорадствуя, как она брела во мраке — шарахаясь от стен, поминутно оглядываясь, изо всех девичьих сил стараясь не цокать каблучками — и неожиданно успокоился.

Она подбежала, виляя хвостом:

— Я не нашла! Там темно, ничего не видно.

— Извини, что так получилось, — заулыбался дежурный. — Оказывается, ключ от «Жука» лежал у меня в кармане. Я перепутал, случайно выбросил ключ от почтового ящика.

Он достал из кармана искомый предмет, продемонстрировал обществу. Студентка вытаращилась.

— Крикнуть не могли, что ли! Я целый час под вашими окнами болталась!

Дежурный взглянул на часы и восстановил справедливость:

— Шестнадцать минут.

— Какая разница?

Она вдруг замолчала, словно что-то вспомнив. Напряглась. Даже дыхание затаила.

— А где Саша?

Дежурный тоже кое-что вспомнил.

— Саша? — спросил он после зловещей паузы и взял гостью за предплечье. Ладонь его наполнилась мягким — непередаваемое ощущение. — Вот что, Лариса, пойдем-ка в лабораторию.

— Он там? — испугалась студентка.

— Лбов в помещении отдела. Не волнуйся, он теперь работает над собой.

Дежурный распахнул дверь лаборатории, загородив дальнейший путь. Ничего не оставалось, кроме как принять приглашение, и студентка вошла, снова став послушной, оглянулась, кротко мяукнула:

— Ну?

— Признавайся, — предложил дежурный, закрывая дверь. — Зачем ты наврала про общежитие и коменданта?

— Я? — воскликнула отличница. — А откуда ты…

— Оттуда, — прозвучал веский ответ. — Знаю.

Отличница помялась, попереминалась, потупилась.

— Понимаешь, я хотела, чтобы Саша меня сюда привел.

— Так, — удовлетворился дежурный. — Хорошо, продолжим. Почему вдруг тебе захотелось, чтобы Саша привел тебя в режимное учреждение ночью?

— Я… — пискнула подозреваемая.

— Только не ври, что ты влюблена в Лбова!

— «Жук»… — сказала тогда студентка потерянно. Дежурный обрадовался.

— А зачем тебе микросерф?! В отделе ГАСов полно персоналок, тоже, кстати, не каких-нибудь там русских.

Вопрос был поставлен верно. Студентка еще немного пострадала, вздыхая и потея, а затем, не придумав ничего толкового, начала давать правдивые показания.

— Статья, — сообщила она.

— Что — статья?

— Да ну… Ты все равно не поверишь. Мой очень хороший знакомый… хотя, это не важно… короче, один парень работает переводчиком, регулярно читает французские журналы и недавно нашел интересную статью…

Она сунула носик в сумочку, достала несколько вырванных журнальных страниц. Текст был импортный.

— …он же и перевел. На, посмотри. Здесь говорится про фирму, которая изготавливает компьютеры торговой марки «Жук». Какой-то сотрудник сбежал из этой фирмы, встретился с журналистом, потом его упрятали в сумасшедший дом… В общем, не суть. Здесь приведены разные слухи. Будто бы в рамках информационной войны фирмой создана системная оболочка, имитирующая процесс работы. Будто бы даже есть опытные образцы машин, которые имеют в операционной системе такую программу.

— Не понял, — честно признался дежурный. — Какую программу?

— Ну, понимаешь… Имитирующую работу. Примерно по такой схеме: входишь в нее, она выдает текст ее же самой на каком-нибудь языке, потом транслируешь, строишь образ задачи, отправляешь задачу на решение, а решение заключается в том, что опять вызывается она же сама. Замкнутый круг. Системная программа позволяет работать со своим файлом, примерно так. Я тоже ничего не поняла, потому что тот парень, который переводил, он ведь не инженер… Там написано, что в результате получилась супер-игрушка для программистов. Программист думает, что работает, а на самом деле все это имитация. Обычные компьютерные игры — чепуха, трудолюбивому человеку на них наплевать, правильно? А тут бесконечная иллюзия работы. Чем программист терпеливее, тем легче он попадает во власть иллюзии, парадокс. Там так написано, честное слово.

Дежурный не выдержал, засмеялся.

— А причем здесь наш отдел?

— Я сначала прочитала статью… то есть мне ее прочитали… потом случайно узнала, что у вас есть «Жук», ну и заинтересовалась. От Саши, кстати, узнала.

— Ясно, — сказал дежурный. — Чисто женская логика поступков. Во-первых, зачем солидной фирме разрабатывать такую странную систему, пусть даже для пресловутой «информационной войны»? Полная бессмыслица. Во-вторых, машина, которая стоит перед тобой, куплена через Академию наук в рамках каких-то международных договоров. Как к нам мог попасть опытный образец? В третьих, при чем тут французский журнал? Фирма-то американская. По-моему, твой «хороший знакомый» тебя разыграл.

— Нет, не разыграл, — капризно скривилась отличница. — В Париже есть филиал фирмы, а тот программист, который сбежал, он француз…

— Хорошо, хорошо, пусть не разыграл. Тогда пошутила редакция журнала. Никогда не поверю, что человека можно убедить, что он напряженно трудится, если он ни фига не делает.

Дежурный снова бодро засмеялся. Студентка с надеждой посмотрела ему в рот и спросила:

— А чего ж тогда Лбов-то…

Дежурный расхохотался просто неприлично. Поигрывая серебристым ключом на ладони, он подошел к компьютеру торговой марки «Жук», начал неспешно включать аппаратуру — блочок питания, телевизор, дисководы, процессор. Он приговаривал: «А вообще-то жалко, что твоя статейка не на английском. Я его хорошо знаю. Кто лучше всех знает английский? Программисты и фаны рок-музыки. Я и тот и другой, между прочим. Что мне всякие переводчики? Я крут в английском, даже круче, чем фарцовщики…»

Аппаратура с готовностью оживала. Запела тихонько, заморгала. Дежурный порадовался собственной предусмотрительности: перед тем как встретить возвращающуюся со двора студентку, он наведался в агрегатную и поставил переключатель в исходное положение.

— Что ты делаешь? — нервно удивилась студентка.

— Хочу проверить твои страхи. Иди сюда, не бойся.

Он легким движением руки залез в стол завлаба, вытащил броско раскрашенную книжицу и пояснил:

— Инструкция по программированию. Это только Лбов, анархист, работает без инструкций. Садись, смотри, — сел сам и нежно возложил пальцы на панель. — Вот, вошли в операционную систему… Смотри, откликается, видишь подсказку? Забавная подсказка… Вошли в редактор, здесь, кстати, забавный

редактор…

Как я люблю работать, подумал дежурный, устраивая поудобнее ноги. Невозможно описать. А если опишешь, не поверят, — продолжил он мысль, осторожно укладывая локти на стол. Отговаривали меня, советовали — иди в музыканты ты же талант. Восклицали — иди в поэты, ты же талант. Убеждали — иди в шахматисты. А я выбрал работу. И не ошибся. Когда сидишь перед дисплеем, ненавидя машину, когда ползаешь по распечатке, ненавидя себя, когда точно знаешь что все должно быть правильно, а ОНА выдает туфту, ты человек… Нет, нет, невозможно описать! Когда вдруг понимаешь, какую смехотворную мелочь ты упустил, когда исправляешь эту микроскопическую ошибку, и программа успешно проходит заколдованное место, но тут же утыкается в новое, куда более нелепое, и отчаяние туманит мозг, ты как никто другой — человек. Зато когда выдано решение, соответствующее контрольному примеру, когда перед глазами светятся вожделенные цифры, означающие ЕЕ покорность, ты перестаешь им быть, становишься сгустком счастья… Ненавижу прозу: проза всегда тосклива. Если уж ты сел за дисплей, изволь заниматься поэзией. Я люблю поэзию, я вообще романтик, а строфы алгоритмических стихов и вовсе вызывают во мне удивительные приливы чувства. Приливы, потом отливы, приливы, отливы. В точности, как сейчас. Так и живем — работаем, мучаемся, творим. Программисты-человеки. Я люблю работать, люблю творить, это ведь легко и приятно, легко и приятно, в точности, как сейчас…

Что-то случилось. Лора сидела рядом, восхитительно растекаясь бедрами по стулу, смотрела на меня и часто моргала. Было тихо. Ее профиль отражался в матовой поверхности экрана, и я сообразил, что же именно случилось.

— Зачем ты это сделала? — спросил я.

На пару секунд она прервала процесс моргания. Встала, потешно теребя сумочку, затем возобновила пульсацию крашеных ресниц. Моргала она мелко и пугающе неритмично. Во мне привычно закипело раздражение — пошло, пошло через край, шипя, мгновенно испаряясь, — и я не стал удерживать это святое чувство:

— Сдурела, что ли! Зачем ключ повернула?

Она молчала. Стерва, как сказал бы Лбов.

— Я понимаю, тебе самой хочется! Ну подожди немного, посмотри, как люди работают, инструкцию почитай!

Она молчала.

— Ладно, — я взял себя в руки. — Садись и больше не дури.

Тут на отличницу накатило.

— Этот тоже! — оглушительно крикнула она. Бессмысленно заметалась по лаборатории. — Господи, этот тоже! — у нее случилось что-то вроде припадка. Она отыскала, наконец, выход наружу, но я уже вскочил. Зачем, и сам не знал — просто, чтобы поймать, успокоить. Схватил ее за рукав — она вырвалась, прыгнула в коридор, продолжая сотрясать воздух непонятными выкриками, и мне стало ясно, что ее дикое поведение есть не что иное, как усталость, одновременно физическая и психическая, ведь подобная бессонная ночь может сломать и не такое тепличное растение. Я прыгнул следом. Она неловко побежала в сторону отдела, тряся всем тем, что щедро тряслось у нее под блузкой, уперлась в запертую дверь, панически обернулась, будто ожидала увидеть нечто ужасающее, но сзади был только я.

— Не надо, — попросила она, собрала разбегающиеся глазищи в кучу и заплакала.

— Хорошо, не буду, — я легко согласился.

О чем она просила, было не совсем понятно. Но я не стал уточнять. Открыл дверь в помещение отдела и сделал гостеприимный жест. Студентка послушно вошла, я же, не навязываясь со своим обществом, закрыл за ней дверь и провернул ключ обратно. До упора. И прижался щекой к холодной стене.

Изнутри раздался колоратурный визг — очевидно, студентка обнаружила Лбова.

— Разберитесь сначала друг с другом, — гулко сказал я им обоим. — А то понавешали мне лапшу на уши.

— Выпустите меня! — завизжала студентка чуть более членораздельно. — Вы, психи!

Я, не обратив внимания, завершил анализ ситуации:

— В общем, все сидим тихо. Утром я вас выпущу. Охране ничего не сообщу, не беспокойтесь, и в журнал ничего не запишу. Лора, если Лбову будет плохо с головой, звони мне в лабораторию. Телефон пять-два-три. Если хочешь, можешь развязать его и приласкать, он так долго об этом мечтал… Жлоб паршивый. Слышишь, Лбов? Ты жив? Может тебе удастся, наконец, с ней переспать?..

Оттолкнулся от стены и пошел обратно.

Сзади было шумно.

— Психи! — рыдала отличница. — Пустите меня!

Она билась в дверь чем-то мягким, шуршащим.

14

Дежурный сел за пульт.

Какая ерунда, подумал он, имея в виду бредовые россказни девицы. Игрушка для программистов… Пошлятина. Придумают же глупости, лишь бы потешить обывателя ужасинкой! Впрочем, даже если бы это было правдой, нам ихние «Жуки» не страшны. Подобные системы просто-напросто ничего не изменят. По большому счету у нас и так сплошная иллюзия работы. Инженеры либо ничего не делают — это из тех, кто ничего и не желает делать, либо трудятся впустую — те, кто умеет и любит трудиться. Так что простите за правду.

Дежурный запустил аппаратуру.

15

Он не знал, что студентка, не развязывая пострадавшего коллегу, уже обзванивала по местному телефону всевозможные номера, начинающиеся с нуля. Она пыталась таким образом дозвониться в охрану, телефон, который был ей неизвестен. На цифрах «037» к ней пришла удача.

Дежурный не знал, что всего лишь через час в результате бурных переговоров студентке удастся убедить бабушек в том, что она не пьяная, что глупые шутки здесь ни при чем, и упросить великовозрастных стрелков подняться в отдел.

Он не знал, что Лбову действительно станет худо, и прямо из отдела его на «Скорой помощи» увезут в больницу.

Он не знал, что жена Лбова, не сумев совладеть с обидой и тоской, все-таки сдержит страшное обещание, выпьет какую-то дрянь, затем выскочит из комнаты, поднимет вой, испугавшись своего поступка, а соседи по коммунальной квартире вызовут «Скорую помощь», которая также увезет ее в больницу.

Не знал, что жена Лбова любила мужа всегда, вплоть до нынешней ночи.

Не знал, что и Лбов тоже когда-то любил жену.

Не знал и того, что студентка-отличница любила в этой жизни только свои незаурядные знания и что однажды она имела близость с мужчиной, но этот нормальный в общем-то процесс показался ей таким отвратным и болезненным, что впредь она подпустит к себе мужчину не скоро. Следующим счастливчиком станет ее научный руководитель, и свершится это в ночь после защиты ее диссертации.

Дежурный многого не знал и многого не мог предвидеть. Он был увлечен работой — что тут странного?

Не услышал он также и финальную фразу, которой завершилась радиопередача, посвященная некоторым аспектам информационной войны. Политический обозреватель сказал, что волны компьютерного безумия до нас пока не докатились, и этот факт является единственным из всех представленных, который имеет обнадеживающий оттенок.

1987